

— **ВЫ СПРАШИВАЕТЕ** об Ахмеду Махмудовиче Пачеве? — пишет мне из Нальчика знакомый журналист. — Он жив-здоров. Работает в нашей филармонии. По-прежнему весьма популярен. Его приятный, мягкого тембра бас действительно хорош. Он давно уже заслуженный артист Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР. Активист на работе: заместитель секретаря парторганизации, председатель ревизионной комиссии месткома, председатель военно-шефской комиссии.

Заинтересовался я судьбой певца не случайно. Удивительная была у меня встреча с ним. Лет двадцать тому назад. Какие-то дела привели меня тогда в один из курортных городов Северного Кавказа. Наступал Новый год. Знакомых и родных в городе никого. И, чтобы не оказаться в одиночестве, решил я отправиться в ресторан. Там было почти пусто. Лишь кое-где сидели редкие посетители, да в уголке, сдвинув пару столиков, веселилась небольшая компания молодежи. Когда стрелки часов почти сошлись на двенадцати, один из юношей — скромный такой, застенчивый, совсем еще мальчик — подошел к метрдотелю и несмело так (мне это почему-то особенно запомнилось) попросил разрешения поиграть на рояле, который одиноко чернел на возвышении у стены. Получив разрешение, юноша легко вспрыгнул на помост, сел к инструменту, уверенно пробежал пальцами по клавишам и вполголоса запел. Сейчас уже не помню, что именно он тогда исполнял. Помню, что это было что-то теплое, радостное, душевное. Немногочисленные посетители притихли. Негромкие, чарующие, бархатистые звуки, заполняя пространство, поглотили все окружающее.

Случилось так, что потом мы оказались за одним столом. Познакомились. Разговорились. Оказалось, Ахмед Пачев, так звали юношу, учился тогда на вокальном отделении Ленинградской консерватории. Он был интересным и приятным собеседником.

Вскоре я уехал. Надолго. И вот недавно, получив письмо из Нальчика, я твердо решил на этот раз встретиться с Пачевым и узнать, как сложилась его судьба. Поезд пришел ранним утром.

На вокзале я спросил у киоскерши:

— Скажите, пожалуйста, вам знаком Ахмед Пачев?

Женщина подняла голову, пристально посмотрела на меня, будто перед ней возник по меньшей мере инопланетянин.

— Кто же не знает Пачева! Это наш знаменитый певец, наша гордость! Где увидеть его? Проще всего, думаю, в филармонии.

Отправляясь в филармонию. У ее подъезда стоят двое мужчин. Один, что помоложе, показался мне чем-то знакомым.

— Извините, — обратился я к ним, — вы не можете мне найти Ахмеду Пачева?

— Он перед вами!

Смутившись и растерявшись, я пытался объяснить, что лет двадцать тому назад не то в Пятигорске, не то в Кисловодске мы однажды вместе встречали Новый год...

— Помню! Новый год помню и вас помню! А было это не в Пятигорске и не в Кисловодске, а в Ессентуках!

Ахмед Махмудович с истинно кавказским гостеприимством усадил меня в свой



люди искусства

Строки на постаменте

В. РЫКОВ

автомобиль и повез по аллеям-улицам. И тут я еще раз убедился, насколько он популярен в городе. Его узнавали, приветливо улыбались, раскланивались. И Ахмед отвечал каждому.

— Как я начал петь? У каждого человека, уверен, есть своя дорога в жизни. С чего начинается эта дорога? Верно, с первого шага по земле. И еще начинается она там, где ты найдешь настоящее дело. Дело на долгие годы, дело по душе, с которым готов связать всю свою жизнь. Некоторые, знаю, ошибаются в выборе. И тогда неизбежно разочарование. Иногда позднее. И поэтому особенно горькое. Ведь приходится все начинать сначала.

У меня все вышло иначе. Началось просто. Еще босногими мальчишками у себя в родном селении Нартан (это тут рядом, почти на окраине Нальчика), захватив невесть откуда взявшуюся балалайку, мы собирались в укромной балке, подальше от взрослых, и устраивали импровизированные концерты. Пели много и долго. До хрипоты. Лучшим у нас слыл тот, кто перепоеет, а вернее, перекричит остальных. И тут уж я бывал вне всякой конкуренции.

А если серьезно, то началось вот как. Еще в школе я узнал, что в Нальчике работает комиссия, отбирает юношей и девушек в национальную студию Государственного института театрального искусства имени Луначарского. Я решил попытаться счастья. Прихожу на комиссию.

— Ну, спой нам что-нибудь, — говорит председа-

тель. Играл, помню, Орла в пьесе «Даханаго», почталбона в «Стрекозе», причем поющего почталбона. Однажды на меня обратил внимание руководитель ансамбля песни и танца Кабардино-Балкарии Аристарх Гаврилович Орлов-Шузым. Взял в свой хор. Мы гастролировали по городам и селам, много работали, и у меня росла уверенность в правильности жизненного выбора.

Как-то мне, Ахмеду Николаеву и Роберту Ашурову предложили поработать в ансамбле песни и танца Карачаево-Черкесии — там как раз не хватало балетмейстера, бубниста и солиста-певца. С этим ансамблем вскоре мы приехали на гастроль в Нальчик. Это было в 1957 году, в дни напряженной подготовки к декаде литературы и искусства республики в Москве под руководством Вано Ильича Мурадели и доцента Ленинградской консерватории Марии Теофильевны Бровченко.

Тогда же после одного из концертов ко мне подошел хормейстер Кабардино-Балкарского радио и телевидения Михаил Кунижев и предложил поступить в их хор. Конечно, я согласился. И вот тут началась настоящая работа. С нами очень много и кропотливо трудилась Мария Теофильевна, ставила голоса, шлифовала наше сценическое мастерство. Очень многое дала нам подготовка к декаде.

А потом были выступления в столице. Москвичи приняли нас прекрасно и дали нам высокую оценку. И вот тут, в Москве, Мария Теофильевна предложила мне поступить в Ленинградскую консерваторию. Теперь я понимаю, что это было крайне необходимо, ведь тогда пере-

до мной стояла угроза эдакого ремесленнического отношения к профессии, к мастерству, опасность появления исполнительских штампов.

Меня приняли на подготовительное отделение вокального факультета. Учился я у Марии Теофильевны Бровченко. После двух лет подготовительного отделения столько же проучился на основном. И тут пришлось проститься с Ленинградом. Климат ленинградский оказался слишком суровым для кавказца. И я перевелся в Тбилисскую консерваторию. Первым, с кем там встретился, был доцент Георгий Петрович Маргиев. Это был довольно строгий преподаватель вокала. Привел он меня в свой класс и предложил исполнить что-нибудь из русской классики. Стоит ли говорить о моем состоянии в те минуты! На меня испытующе устремились десятки глаз. Я собрался с духом, подавил волнение и спел рассказ старого цыгана из оперы Рахманинова «Алеко». Все обошлось благополучно. Меня приняли. А когда Георгий Петрович уехал в Киев, мной занялся известный педагог, бас, в прошлом солист Большого театра Г. П. Гогичадзе. Вот с ним я и разучил партии Мефистофеля, Греммина, куплеты Цангалы из оперы «Даиси» и много других произведений.

Окончив Тбилисскую консерваторию, Пачев вот уже 16 лет работает в Нальчике, в Госфилармонии. Ему приходилось выступать и в необычной для него роли оперного режиссера. Именно в его постановке на сцене Музыкального театра Нальчика шла опера Моперта «Свадьба Фигаро». В ней же он исполнял партию Графа. И вообще Пачева обязательно приглашают в театр, когда здесь ставятся оперы с участием баса. Он исполнил партию князя Джары в опере «Мадина» Карданова и Балова, поет партию Спарачулли в «Риголетто». В «Русалке» ему поручена роль Мельника.

Артисту филармонии приходится исполнять в концертах произведения самые разнообразные по жанру. Это и арии, и романсы, и народные песни. Принимает участие Пачев и в концертах-лекциях музыкального лектория. Поет с симфоническим оркестром, который возглавляет Борис Темирканов.

Да, интересная, полная у Ахмеду Пачева жизнь. И вот эта переполненность делом, которому он предан всей душой, ощущается во всем его облике. В жизнерадостности, готовности откликнуться на любое задание, любую работу всем сердцем человека и профессионала. И еще одна черта его покорила меня: он хорошо помнит добро. Казалось, всех людей назвал, которым обязан тем, кем он стал...

К памятной деду Ахмеду Пачева, основоположнику современной кабардинской поэзии Бекмурзе Пачеву, я потом пришел один. На каменном постаменте прочел гордые строки:

Пускай наш труд на полях столетий

Взойдет, как слава, как наша честь.

Пускай прославятся наши дети —

И те, что будут, и те, что есть!

Да, сбылись вешние слова поэта в судьбе детей его народа и в судьбе его внука.

Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балкарской АССР Ахмед Пачев.

Фото М. Суанова.